

С мечтой о небе

На этот раз мы попросили нашего постоянного автора – алматинского поэта Сагин-Гирея составить подборку из стихотворений разных лет, чтобы шире охватить этапы и диапазон его творчества. Он живо откликнулся на наше предложение, хотя предпочитает публиковать в периодике в основном новые, ещё не оценённые публикой вещи.

Представленные здесь сочинения взяты из книг «Время собирать камни», «Я думал о тебе», «Исповедь Кентавра», «Сезам», «Противостояние Марсу», «Неразменное», «Глазами alter ego». Последние четыре стихотворения ещё не вошли в сборники – они написаны в 2020 году.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ЛЕТО

О, фантастическое лето!
Висит едва ли не с рассвета
над городом зелёный зной.
Корабль несбыточного лета
по памяти плывёт
за мной.

...Она уехала в то лето
то ли в Милан,
то ли в Толедо,
надолго к бабушке больной.
Я был влюблённее Ромео,
нежней и чище был,
чем Дафнис.
Какая даль,
какая давность!
И как порядком огрубела
душа поэта с той поры...

Тогда безудержных фантазий
кружились надо мной миры.
И, сыт по горло жёлтой Азией,
где с детства было всё родным,
я навевал на чувства дым
сюжетов старо-европейских...

И в этом-то контраст был резкий.
Ведь бабушка её жила
в Киргизии –
в селе, Ой-Тале,
а не в Испании,
в Италии,
где в эти дни гнездо вила
по нашей воле
птица Феникс...

...С тех пор
я многое познал,
и многое переменяло ценность.
И маленький аил Ой-Тал
давно жемчужиною стал
в оправе снов-воспоминаний
среди фантастического лета...

Но вновь
зелёный зной с рассвета
стоит в Толедо
и в Милане.
Полна фантазий голова.
И бабушка ещё
жива...

О, мне б очутиться хотя бы на миг
в отцовских руках – жестковатых, больших.

И тельцем, сживая смешно кулачки,
прижаться к теплу продублённой щеки.

Вот бог, что укрыл от любых бы тревог.
Но ныне далёк, недоступен тот бог.

И сам кое-кем ты уже вознесён
в ранг идола в духе общинных времён.

И должен спасать, уберечь, оградить.
За зло наказать, за добро наградить.

И быть всемогущим во всём до конца.
...Украдкой вздохнув о ладонях отца.

КАЛЬМАР

Океана далёкого дар,
золотисто-молочный кальмар,
реактивный проходчик морей,
беззащитное ныне страшилище,
ты б сегодня, наверное,
жил ещё
а в лужёных желудках людей
попривычнее пища варилась.

Только что-то с Землёй сотворилось,
что рожать отвыкает она.

Но всеильное человечество
в беспокойстве голодном не мечется
и сокровища чёртова дна
достаёт загребушей рукой.
С океана взимается подать,
что течёт бесконечной рекой.

Царь природы, обед твой подан!
...А мне снится престранный сон:
будто очень несчастлив он,
житель XXII столетия.
На обобранной предком планете
он сидит на унылой диете
и противный жуёт планктон...

В нас, людях, что-то есть
звериное,
змеиное,
паучье,
птичье.

И нам за ширмою приличий
не спрятать суть свою, незримую,
быть может, лишь для нас самих.

Ну с кем да не случался миг...
 ...А, впрочем, дело ли в примерах?
 Вся наша жизнь – процесс примерок
 к лицу – приемлемых личин,
 прикрыть всяких атактизов.
 Но так ли хвост неразличим?
 И трудно ближнему ли вызнать,
 на масках деланных прочесть
 Мидаса уши
 или шерсть
 нескладных ног царицы Савской?

Ох, люди,
 ангелы,
 мерзавцы,
 уловки наши ни к чему.
 А почему?
 А потому,
 что есть для размышлений пища:
 условностями век напичкан,
 и нас спасают уязвимые
 те точки, что сочат звериное,
 змеинное,
 паучье,
 птичье...

* * *

Тот городок, воздушный, как мечта,
 хмельной под бурным августом наплывом.
 И юноша, считающий до ста,
 чтоб целовать сладчайшие уста
 хотя бы с минимальным перерывом.

...Непостижимой давности сюжет.
 Но отчего свежей и первозданной
 Любви моей безоблачной портрет,
 как будто вовсе не было и нет
 фортуны всевозможных испытаний?

И сам не верю, что остался чист
 и выбрался из мутного потока.
 А выживший во мне идеалист
 на девственный заносит этот лист
 признания своей зеленоокой.

...И каждый август по кругам земным
 идёт сверхскоростной и просто пеший.
 Пусть он взрослее, с климатом иным,
 приветствую его я, одержим
 возлюбленной моею августейшей...

АГАСФЕРЫ

Когда б я жил в одну эпоху
 с самим Христом,
 под властью Рима,
 мне было б, может быть, и плохо,
 но я физически и зримо

Его бы видеть мог
 и даже –
 дотрагиваться до Него руками!
 Смотреть в глаза Ему...
 И – скажем –
 носить за пазухой свой камень.

Пошёл с толпою б на Голгофу
 или на месте Агасфера
 не избежал извечной скверны
 и из эпохи бы в эпоху
 летел – оборванный,
 обросший
 и бредил бы вторым пришествием...

...Но слышу ныне,
 по прошествии
 двух тысяч лет –
 всё те же рощи,
 что видели, как жизнь угадал
 Христова,
 струят в округу запах тисса
 и амбру розового масла.
 Стою в толпе – из миллионов
 точнейших клонов Агасфера.
 Сквозь нас,
 ничем не усмирённый,
 бурлит поток вселенской скверны.
 И мимо кто-то
 крест свой тащит,
 сопровождаемый зеваками.
 И мы кричим:
 – Пошёл-ка дальше! –
 словами, гиканьем и знаками.

Нет, ничего не изменилось!
 И, Иисусов современник,
 могу ль рассчитывать на милость
 всё тех же идолов бессменных –
 коварства,

золота
 и злобы,
 и – злобы,
 золота,
 коварства?

Хохочем у Господня гроба,
 и от чумы той нет лекарства!..

БАСЁ

...Жил-был в Японии поэт Басё.
 Когда пожар унёс его жилище,
 то плюнул он на суетное всё
 и предпочёл стать
 странствующим нищим,
 чем сытым прихлебателем в дворцах,
 где ждали от него сусальных песен.

Шагал он с вольной песней на устах,
 а мимо,
 раздуваемые спесью,
 в колясках проезжали самураи.

И не было среди них ни одного,
 кто б, не боясь,
 что это замазает
 высокий статус звания его,
 взглянул в глаза нелепого оборвыша.
 А любопытный увидал бы свет,
 какой не в силах излучать сокровища,
 пускай хоть им конца и краю нет.

И свет проник
 Сквозь дали и века.
 И так прозрачна каждая строка
 магически очерченных трехстиший,
 что вижу я,
 как шествует Басё,
 одетый в рвань,
 голодный и босой,
 и как его у неказистых хижин
 ликующий приветствует народ.

...Значителен, увы, не тот,
 не тот,
 кто внешним весь блестит благополучьем,
 а тот, кто счастье в глубине найдёт
 души,
 среди соблазнов не заблудшей,
 и верен ему будет навсегда.
 А счастье может быть простей простого:
 к примеру,
 ощущение следа
 в бессмертной бесконечности простора,
 или – на трезвый взгляд людей серьёзных –
 ещё какая-нибудь ерунда.

...А я сижу, не сдерживая слёзы,
 над откровеньями того Басё.
 Вслед веку век проносится за окнами
 и мельтешит реалиями блёклыми,
 которыми меня он не спасёт,
 коль, пресыщён его духовной пищей,
 забуду я,
 как по миру бредёт
 с тоской во взгляде
 странствующий нищий.

КНИГИ ДЕТСТВА

Средь аравийских ночевать песков,
 потом на ринг всходить при звуках гонга.
 Парить с луной над джунглями Меконга
 и в оперу спешить с Манон Леско.

Висит над Уленшпигелем петля.
 Батыр спасает степь от зла и бедствий.
 О, эти книги детства! Книги детства,
 ваш запредельный слышу лепет я.

И в грудь вливается давнишний пыл.
 Стою, красив, пышноволок и строен,
 подобный тем отчаянным героям,
 какими я поочерёдно был.

Рисуясь и актёрствуя слегка,
шаловой, тысячеустый, разноликий,
прошедший сквозь меня народ великий
собой пространства обнял и века.

И ныне с грустной взрослой высоты
своим далёким и совсем не книжным,
спасибо говорю минувшим жизням,
исполненным ума и красоты...

В СТАРИННОМ ГОРОДЕ

В старинном городе, где Азия
перетекает не спеша в Европу,
по жёлтым, средь обрывов, тропам
мы, видно, навсегда отлазили.

В старинном городе, в котором
река великая ветвится,
остались Рим и Каракорум –
судьбы желанной две столицы.

А я блуждаю по провинциям,
стремясь с космической пылью
в старинный город, где мы были
когда-то звёздными провидцами...

* * *

Два лепестка
от цветка
отпорхнули.

И – друг за другом гонясь – полетели.
Ах, это бабочки – детки, бабули.
Осталось им жить-то всего две недели.

Прекрасно всё это, хотя и мгновенно.
Но, может быть, в этом великая суть вся,
что нету нетленных основ у Вселенной.
И ты, исчезающий, можешь вернуться –
пусть бабочкой, травкой, живою водою.
И мать Природа вдохнёт в тебя душу.

...Две бабочки в лоно летят мировое.
И я, эфемер, перед бездной не трушу...

НА НЕПРЯДВЕ

...Неужели это было правдой,
что стоял я над рекой Непрядвой?
Прядали ушами наши кони.
А вдали был слышен шум погони.
Это русские гнались за нами.
Это русских мы ловили сами.
Ох, жестокая была расправа –
головы налево и направо
с богатырских туловищ летели!
В это утро стрелы нежно пели
и булат был как-то странно звонок.

...Я очнулся.
И рукой спросонок
место рядом тёплое огладил.
Ты проснулась.
И в тревожном взгляде
я прочёл вопрос.
Я тихо пряди
золотые тронул.
На Непрядве
наш союз был богом предначертан.
Как же долго шли мы –
через жертвы,
катаклизмы эти мировые,
через тлен и язвы моровые,
чтобы, встретясь на краю Вселенной,
мы друг друга приняли – мгновенно.

А тогда всё это было правдой.
Я стоял с туменом у Непрядвы.
Прядали ушами наши кони.
Мы свирепо жаждали погони...

ПЕРЕЛЕТ НЬЮ-ЙОРК – ФРАНКФУРТ

Океан подо мной – наважденье:
я лечу над всемирным потоком!
И ни штатовских нет громождений,
и ни храмов старушки Европы.
Он играл всей кипящею магмой,
этот пращур наш древний и вечный.
И вершитель судеб наших главный,
человечный и бесчеловечный...

С высоты разворота я видел
гор подводных мохнатые жала,
кашалота проплыв деловитый
и пророка Протея, пожалуй...
И, боясь ещё что-то увидеть,
я прикрыл виноватые веки.
И – прозрел властелина со свитой,
да не в ком-нибудь, а в человеке!

О, я слаб, я ничтожен, мой Боже!
Но ты, давший мне разум и волю,
сделал так, что стал равен я тоже
самому тебе – в краткой юдоли.
Это всё для меня – бесконечность
зыбких вод и вселенского света,
что грозят и в пучину увлечь нас,
и щадят, словно мать, нас при этом.

...Было тихо в салоне. Один я
над свинцовой Атлантикой реял
самозванным миров господином
иль Творцом накануне архея
от лица этих буднично спящих,
всех других – в кандалах и на тронах,
всех сегодняшних и настоящих,
всех ушедших и нерожденных...

* * *

Нет, не привыкну – мне всё будет внове:
и утренний твой голосок с ленцой,
и кукольно высокий лоб и брови,
и скифско-скандинавское лицо.

И этот взор сияющий, которым
тебе с рожденья Иссик-Куль воздал,
чтоб в небесах над жизни всяким вздором
стояла помыслов твоих звезда.

И дай мне Бог подольше это видеть:
как ты ко мне, вся тёплая со сна,
спешишь в объятья, словно бы в обитель,
где ты от всех тревог защищена.

Потом меня уведут вдаль дела.
Но всё равно ты под шатром надёжным
своей спокойной, просто непреложной,
чуть детской веры в этот мир без зла.

МАРСИАНСКИЙ МУРАВЕЙ

*Недавно открытого наукой
подземного муравья назвали
марсианским.*

Замшелый.
Может быть, реликт.
Большой, прозрачный.
И – слепой.
Живёт себе и мир рыхлит –
подземный, многовековой.
Он хищник и в своей среде
не уступает никому.
Как волк в лесу, как сом в воде,
он ведает родную тьму.
Работой занятый простой,
он существует тыщи лет.
Естественно, что он слепой.
А вот собратьям нужен свет.

Но если вдруг да на Земле
Армагеддон произойдёт,
за тем первопроходцем вслед
уйдёт весь муравьиный род.
И живо развернут тогда
в земле Плутонию свою...

...А уцелевшему людьо
что делать,
сунуться куда?
Туда же! Бункеры уже
кой-кто себе настроил впрок,
чтоб на смертельном вираже
милитаристских куражей –
в нору!
И – двери на замок!

Кровавый Марс из мглы глядит.
А вдруг под коркою его
слепых разумников синклит
другое принял естество?
В крошечной ползают ночи,
на свет нос высунуть боясь.
Печатью бледных их личин –
утраченная с Солнцем связь.
Живут веками в глубине,
как наш подземный муравей.
И содрогают душу мне
тьмой марсианскою своей.

HOMO INFORMATICUS

...И исчезнет у нас биомасса,
скажем, лет через этак сто:
эта груда костей и мяса,
это старых пороков гнездо.
Нам не жаль всего этого будет,
ибо новых эпох индивид
сам в себе поневоле разбудит
отвращенье к тому, что таит
страх подспудный,
букеты болезней.
То ли дело – не плоть,
а слова,
для созданья которых полезна
голова.
Да, одна голова!

Даже нет – ротовая полость.
Ведь разучится думать, поди,
мой потомок,
отдавший свой голос
за диктат ваш,
о Мира Вожди.
Технократы ли там,
демократы,
что насадят везде пастораль:
вторя им, миллиарды собратий
исповедовать будут мораль
подчиненья без всяких условий
по программе одной цифровой...

...Ни особинок, ни прекословий.
И – ни личности нашей самой!

2005

ЛЕТЧИКИ

Сергею Муридову

Мечтал я отроком,
как все мальчишки,
быть лётчиком в стране моей былой.
И – налетался!
Взял себе в привычку:
всё небом, небом –
по нужде любой!

Но только вот, увы не за штурвалом,
а праздным пассажиром корабля.
Так годы вслед друг другу проплывали.
И прожил их я в общем не скорбя.

...Недавно встретился с потёртым
сверстником.

Как он, и я судьбой моей потёрт.
Но он был лётчиком!
Был буревестником,
был альбатросом,
чем безмерно горд!

И чувствую во взгляде превосходство,
едва прикрытом дрожью нервной век.
В себе геройский сохранил он код свой.
А я в обход пошёл – слаб человек.

И он, пусть списанный, но грезит небом.
А я и в снах, и наяву летать
уже и перестал.
Вновь в детство мне бы –
я б точно так же прожил жизнь опять.

О том, что было в прошлом – не жалею.
Не всем же лётчиками быть...
И взгляд –
тот снисходительный –
стерплю, лелея
мечту о небе, как и век назад...

5.09.2020

ДЕВУШКА ПРАСКОВЬЯ

«Девушка Прасковья
из Подмосковья».
Из современной песни

Давненько не давали девам нашим
подобных крепостнических имён.
Страна рождала Свет, Людмил, Наташек.
Но чтоб Параш? Не в те года рождён.

Я был героем Родины советской
в её поре, быть может, золотой.
И я любил таких – великосветских,
пardon – возвышенных самой Москвой.

Они учились рядом в институтах,
они блистали в прессе и в кино.
И я был с ними, право, поминутно.
Ну, может, не так часто, тесно, но...

Плывут по памяти они – живые,
реальные, как будто бы вчера.
О, эти наши танцы огневые,
лирические наши вечера!

Таких красивых, нежных нынче нету –
Простите мне, наследники мои.
В них было столько обаянья, света.
И не было о них худой молвы.

Я узнавал в них девушек Тургенева,
но вкупе с новой эры огоньком.
И с ними кавалерам их безденежным
дружить так просто было – как с цветком,
благоуханным, полным бескорыстья,
и ожидавшим, верите ль, от вас
не яхт и не финансовых там рисков,
а слух ласкающих прекрасных фраз.

И мы на них, конечно, не скупилась,
лишь было б это чувством рождено.

...Другое время на дворе. Забылись
прогулка за полночь, поход в кино.

Свободно занимаются «любовью» –
без церемоний. Срок деньгу ковать!
Прасковья, девушка из Подмосковья,
идёт себя дорожке запродать.

И вся Россия ныне Подмосковье –
под наглой разжиревшею Москвой.
И подались все девушки в Прасковьи,
в служанки, куклы, в феодальный строй.

2020

КОРОНАВИРУС

Человечество увенчано короной
на своей неумной голове.
Мы творили, что хотели. Благосклонно
дьявол нам кивал. И он молве
безрассудной, что мы сами боги,
всячески поддакивал. И вот
мы сидим, приняв режим убогий.
А Беда танцует у ворот.

«Выходи, народ, напялив маски!
Будем метить через одного-с
вас под издевательские сказки
ведомства с названьем бодрым ВОЗ.
А потом, хе-хе, ещё посмотрим,
как там дальше с вашим сбродом быть.
Может, страшным уморить досмотром
или как-нибудь ещё избыть.
Слишком расплодилось, инородцы,
на Земле, что хочет тишины...»

Дьявол над двуногими смеётся.
И Всевышнему мы, видно, не нужны.

А корона? А на то корона,
чтобы сбросить, трезво оценив.
Просто надо на земле зелёной
жить, лелея золотой наив.
Жить, как пращуров когда-то жили,
Мать-Природу чтя, её любя.
Без корон, без подлой камарильи,
всё гребущей только под себя.

1.12.2020